

Не Сычэн затаил в душе историю про И Цяня и Фу Фэя, но ему не с кем было об этом поговорить. В конце концов, болтать о подобном направо и налево не стоило: если бы слухи дошли до семьи И или самого Фу Фэя, его бы возненавидели. Однако Лу Фэн был совсем другим. Теперь Лу Фэн казался ему его младшим братом, к тому же Лу Фэн знал об И Цяне и Фу Фэе. Более того, он не просто знал — у него были вполне неплохие отношения с И Цянем. Так что звонок от Лу Фэна пришелся как нельзя кстати: он словно специально явился, чтобы избавить Не Сычэна от томительного недуга — невозможности выплеснуть накопившиеся сплетни.

— Их историю с Фу Фэем растрепала жена самого Фу Фэя прямо у него дома, так что теперь он, должно быть, заперт в четырех стенах, — вещал Не Сычэн. — Семья у него не из простых, разве они потерпят подобное? А Фу Фэй... Я же говорил ему не связываться с И Цянем, но он меня не послушал. Теперь, небось, локти кусает, да поздно.

Лу Фэн уточнил:

— И Цяня заперли дома?

— Скорее всего. Во всяком случае, связаться с ним я не могу. Я расспросил еще пару человек — все уже знают об их романе с Фу Фэем, но никому не известно, каково его положение дома.

— Вот оно как, — на душе у Лу Фэна скребли кошки, тяжело придавив всё внутри. — Семья И действительно его не простит?

— Что за семья у него, сам подумай. Если такое выплывет наружу, куда им девать лицо?

Если разобраться, Лу Фэн хоть и пытался навести справки о семье И, ничего толком выяснить не смог. Он понятия не имел, чем занимается семейство И, и лишь со слов Не Сычэна и Фу Фэя знал, что за теми стоит солидный авторитет.

Он спросил:

— А чем занимается семья И? Я всё как-то не решался у него спросить.

— А? — Не Сычэн изумился, но тут же взял себя в руки, вспомнив, что и сам узнал о происхождении И Цяня лишь спустя полгода знакомства, да и то намеренно расспрашивая всех подряд.

Семья И вела себя донельзя скрытно, да и нравы в роду царили строгие, так что узнать какие-либо подробности их личной жизни было почти нереально.

Он пояснил:

— Да всё просто — тяжелое машиностроение. Они не выходят на биржу, потому что завязаны на куче государственных проектов.

Обычный человек вряд ли слышал об этом концерне, но Лу Фэн занимался строительством и по долгу службы сталкивался с их продукцией, так что был прекрасно осведомлен. Стоило ему услышать название, как всё встало на свои места, и он наконец понял, почему Не Сычэн так перед И Цянем стелется.

У самого И Цяня имелся автосалон, которым управлял нанятый директор. Если кто-то из его друзей хотел пригнать машину из-за границы, оформлением тоже занимались через него. Из-за того что И Цянь несколько дней не выходил на связь, знакомые невольно начали наводить справки, а стоило поинтересоваться — и сразу всплыла вся правда.

Добрая весть лежит дома, а худая бежит по свету.

Вот только сам он понятия не имел, что его сексуальная ориентация к концу года превратилась в главную тему для сплетен во всем кругу.

По правде говоря, раньше об их отношениях с Фу Фэем знала лишь горстка людей.

Теперь же об этом судачили все подряд.

Чжао Хао предал И Цяня, и совесть не давала ему покоя, поэтому утром в канун Нового года он помчался к нему домой.

К счастью, отец и старший брат И Цяня еще были по делам и возвращались только после полудня. Чжао Хао с облегчением выдохнул: матушка И удержала его и велела как следует вразумить И Цяня, после чего его пустили в комнату к другу.

Чжао Хао был на год старше И Цяня, но с детства отличался ветреным нравом: дважды оставался на второй год и в итоге окончил старшую школу и уехал за границу вместе с И Цянем.

Они сблизились во время учебы в Европе, и с тех пор их дружба не прерывалась.

Войдя в комнату, Чжао Хао увидел, что И Цянь сидит на застекленном балконе, греется на солнышке и листает книгу, вид у него был донельзя безмятежный. Решив, что И Цянь и на душе сохраняет такой же покой, Чжао Хао ни капельки не устыдился своего предательства.

Он подкрался сзади и крепко обхватил И Цяня за шею. И Цянь, и без того растрепанный и раздраженный, поднял голову и, увидев незваного гостя, разъярился окончательно. Он отвесил Чжао Хао удар кулаком прямо в лицо. Удар был такой силы, что у Чжао Хао защемило в носу и на глаза навернулись слезы. С воплем увернувшись от последовавшего за этим второго удара,

он кубарем вкатился в комнату и захлопнутой стеклянной дверью отгородился от разъяренного друга. Они принялись мериться силой по разные стороны стекла: И Цянь колотил в дверь руками и ногами, а Чжао Хао вопил во всю мочь:

— И Цянь, И Цянь! А-Цянь, Сяо Цянь... Постой... прекрати... дверь же сломаеть!

И Цянь с мрачным лицом опустил руки и, стоя по ту сторону стеклянной двери, искоса уставился на него:

— Да у тебя, твою мать, хватает наглости заявляться ко мне!

Чжао Хао показал ему примирительный жест и пролепетал:

— Давай поговорим по-хорошему.

— Видеть тебя тошно, вали отсюда!

И Цянь развернулся и уселся обратно на диванчик, стоявший на балконе.

На нем была домашняя одежда, а на ногах — лишь носки для ковров, без тапочек. Откинувшись на спинку дивана и закинув ноги на пуфик, он снова углубился в чтение. Заметив, что друг вновь расслабился и больше не собирается бесноваться, Чжао Хао приоткрыл стеклянную дверь, прошел внутрь и опустился на диван напротив.

— Твой старший брат разыскал меня, — заговорил он. — Велел при первой же весточке о тебе сразу сообщить ему. Я посмотрел на него — он так переживал, глаза от бессонницы были сплошь в красных прожилках... А тут еще ты прислал мне адрес какой-то глухомани. Разве я мог не тревожиться за твою безопасность? Вот и выболтал ему всё о тебе.

И Цянь холодно хмыкнул. Чжао Хао самовольно взял стоявшую на стеклянном журнальном столике чашку с черным чаем, которую оставил И Цянь, и сделал глоток. И Цянь бросил на него косой взгляд, но промолчал. Вообще-то он страдал изрядной долей безразличия и ненавидел, когда кто-то пользовался его чашками — даже если это были близкие друзья или члены семьи, он чувствовал себя неудобно, просто предпочитал терпеть молча, и остальные об этом даже не догадывались.

В детстве они с Чжао Хао даже дрались из-за этого: Чжао Хао взял попить из принесенной в школу чашки И Цяня, да еще и дал попить кому-то другому. Тогда И Цянь пришел в ярость и набросился на Чжао Хао с криками. Тот в ответ обозвал его девчонкой, которая из-за всякой мелочи устраивает сцены, скрутил и прижал к парте. С тех пор И Цянь просто молча сносил привычку Чжао Хао пить из его посуды.

Допив воду в чашке, Чжао Хао налил себе еще из заварочного чайника. Прихлебывая чай, он заговорил:

— Фу Фэй — та еще сволочь. Вы же вроде давно с ним расстались, с хрена ли его жена приперлась к твоему дому?

При мысли об этом накатывало раздражение, и И Цянь хранил молчание. Чжао Хао продолжил:

— Говорят, Гу Чжихэ сейчас под следствием. Развод Фу Фэя с Гу Шуцзы, пожалуй, ему только на руку. Может, он специально сделал так, чтобы Гу Шуцзы узнала о вас? В конце концов, твоя семья о вашем романе ни сном ни духом, с чего бы Гу Шуцзы вдруг во всем разобраться?

И Цянь бросил:

— Да плевать мне на него, катись к черту со своими разговорами.

Чжао Хао возразил:

— Я просто хочу, чтобы ты окончательно выбросил Фу Фэя из головы. Этот урод не стоит твоих слез и уж тем более не стоит того, чтобы ты сбегал в какую-то глушь, где даже птицы не гадят. А-Цянь, когда твой старший брат разыскал меня, он был просто вне себя от беспокойства. Все знают, какой ты тонкий творческий человек, а вдруг бы ты натворил глупостей из-за душевного расстройства? Подумай сам, что делать твоей семье? Фу Фэй твоего внимания не заслуживает, подумай лучше о родных.

И Цянь издал насмешливый звук:

— Не пытайся себя оправдать. Продал меня — так и признай.

Чжао Хао возмутился:

— Ты вообще совесть имеешь? Из-за такой ерунды цепляешься к каждому слову.

И Цянь вздохнул:

— Ладно, ладно, я понял.

Чжао Хао снова заговорил:

— Матушка И просила меня уговорить тебя сходить на смотрины и жениться. Ты что, реально собрался вот так взять и жениться?

И Цянь покосился на него:

— Пока буду тянуть. Иначе матушка этого точно не переживет.

Чжао Хао посоветовал:

— По мне, так ты вполне мог бы найти какую-нибудь несчастную дурочку, которая согласилась бы на брак, успокоить своих предков, а когда появятся дети, там видно будет. С твоими-то данными, даже зная, что она станет женой гея, многие женщины с радостью согласятся.

И Цянь от души пнул его ногой, едва не опрокинув заварочный чайник прямо тому на грудь. Чжао Хао, защищая чайник, резко отскочил в сторону:

— Да ты мать твою...

И Цянь буркнул:

— От тебя отроду не услышишь ни одного нормального слова.

— Между прочим, это был золотой совет, а ты мои благие намерения в грязь топчешь. — Убедившись, что И Цянь успокоился, Чжао Хао уселся обратно, с ног до головы окинул его оценивающим взглядом и выдал: — Ну правда, никак не возьму в толк: что за кайф крутить шашни с мужиками? И ведь с таким энтузиазмом!

— Вали отсюда! — и запустил в голову Чжао Хао книгу, которую держал в руках.

Чжао Хао сгреб с макушки увесистый том в яркой подарочной обложке. Книга оказалась толстой и тяжелой, прилетело ей на славу.

Однако, помрачнев лицом, он лишь молча посмотрел на И Цяня, не смея больше выказывать злость.

Листая страницы, он проворчал:

— Сам горазд только перед своими хвост поднимать.

На страницах пестрели всевозможные фотографии, некоторые сопровождались короткими подписями. На снимках сменялись пейзажи, цветы, животные, и лишь на последних страницах появились люди. Увидев на фото женщину по имени Вивиан в длинном белом платье, он с удивлением перевернул книгу обратно к твердой обложке. Там красовалось всего четыре иероглифа: «Безмолвные годы» — надо же, какое напыщенное название. Заглянув на форзац, он обнаружил имя автора — И Цянь.

Он протянул:

— Ого, твоя книжка. Солидно.

И Цянь раздраженно бросил:

— Верни!

Канун Нового года. Пока все остальные семьи вовсю воссоединялись за просмотром

новогоднего концерта, семейство И, закончив праздничный ужин, занималось совсем другими делами.

И Юньшэн был не из тех мужчин, кто станет молча сносить оскорбления из уст какой-то бабы. Он не был настолько бесхребетным увальнем. И уж тем более И Юньшэн никогда бы не проникся симпатией к парню, который сначала переспал с его собственным сыном, а потом позволил своей женушке заявиться к ним в дом и устроить дешевый балаган.

В молодости И Юньшэн работал педантичным инженером, и хотя за минувшие годы он отошел от дел, его привычки, характер и деловой подход ничуть не изменились.

Вечером тридцатого декабря он распорядился силой притащить чету Фу. Деваться им было некуда — пришлось явиться.

Отец Гу Шуцзы находился под следствием, и сейчас она переживала самый уязвимый период своей жизни. На ее месте любая другая женщина, в одночасье превратившаяся из феникса в оборванную курицу, вела бы себя тише воды ниже травы, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Но Гу Шуцзы привыкла гордиться собой, и чем больнее был ее падение с вершины, тем острее становились ее нервы, а самоуважение раздувалось до предела. Она не собиралась прощать ни единого оскорбления, опасаясь насмешек и травли. Раз уж ей плохо, то пусть тогда жизнь медом не кажется никому. Когда она устроила скандал в доме семьи И, дело замяли само собой: все влиятельные члены семьи были заняты важными делами, поэтому вопрос с И Цянем и Фу Фэем временно отложили.

Она думала, что семья И предпочтёт проглотить оскорбление и трусливо спустить всё на тормозах, позволив младшему сыну позорить фамилию и портить репутацию на стороне. Однако её разыскали телохранители семьи И и вежливо попросили нанести визит.

Сегодня был канун Нового года. Поначалу она планировала оставаться дома, но поскольку был праздник и никаких других планов не предвиделось, ей пришлось приехать.

Фу Фэй был классическим примером того, как выходец из семьи нуворишей упорным трудом добивается успеха. Его родители начинали с текстильного бизнеса, и отец держал дело на плаву безо всяких изысков. Когда же бразды правления перешли к Фу Фэю, он значительно расширил сферы деятельности — брался за всё, что приносило прибыль. Сейчас его главными источниками дохода были недвижимость и шоу-бизнес. Несмотря на то, что он обладал и деньгами, и нужными связями, тягаться с таким гигантом, как семья И, он всё же не мог.

Фу Фэй полагал, что Гу Шуцзы слишком дорожит своей гордостью и никогда не станет выносить сор из избы. Он никак не ожидал, что Гу Шуцзы поведёт себя как умалишённая и развонит об их с И Цянем отношениях на весь белый свет.

Тогда Не Сычэн высказал ему в лицо: Ты просто любишь играть по-крупному. И Цянь — сложная задача, Гу Шуцзы — сложная задача, но неужели ты считал их бездушными куклами? Сколько людей погорело на любовницах, неужели ты сам не понимаешь? Ты сам во всём

виноват, и я могу дать тебе лишь один совет: отправляйся в дом И и сыграй на их чувствах.

Поэтому, получив приглашение от людей семьи И, он немедленно бросил все дела и поехал следом.

И Цянь ещё не знал, что именно затеял старик, поэтому притворился глухим и безобидным: на любые слова отца он только кивал. И хотя старейшина от злости даже отвесил ему пару оплеух, до по-настоящему серьёзных последствий дело пока не дошло.

После новогоднего ужина И Цянь сидел в маленькой гостиной, развлекаясь с матушкой и невесткой, заодно забавляя племянника И Чана.

И Чану исполнилось три года — он уже уверенно ходил, бегал и разговаривал, но ещё не успел стать слишком избалованным. И Цянь был единственным в доме, кто готов был возиться с ним целыми днями и проявлял ангельское терпение, так что мальчик искренне его обожал.

Они сидели на диване и играли в Ультрамена. И Цянь держал фигурку супергероя, которую атакующий его маленький монстр раз за разом оттеснял назад, заставляя капитулировать. И Чана это не устраивало: Маленький дядя, ты не стараешься.

И Цянь подумал про себя: «Попробуй тут постарайся, когда тебя лупят», — но вслух ответил: — Ладно-ладно, давай по новой. Сейчас я как следует возьмусь за дело.

Ультрамен и маленький монстр сошлись в схватке снова. Герой шатался из стороны в сторону, издавая комичные звуки: Ох, ай, меня сейчас победят, великий герой, пощади... — отчего И Чжан заливался счастливым смехом.

Вдруг дверь маленькой гостиной отворилась, и на пороге появился И Чжоу: И Цянь, выйди. Поднимись вверх в кабинет.

И Цянь швырнул Ультрамена лицом вниз на диван и протянул: Ой, я умер, больше не могу встать...

Затем он поднялся на ноги. И Чжан с грустью проводил его взглядом. И Цянь ущипнул племянника за мягкую щёчку и только после этого вышел из комнаты. Ни матушка И, ни невестка понятия не имели, зачем И Чжоу понадобилось вызывать его в кабинет, но расспрашивать не смели.

На И Цяне была домашняя одежда: широкий белый свитшот и простые штаны. На ноги он ничего надевать не стал, даже носки, и просто шлёпал домашними тапочками. Постучав в дверь кабинета, он толкнул её и вошёл. Заметив сидевших на диване Фу Фэя и Гу Шуцзы, он на мгновение замер.

Фу Фэй тоже его увидел. Во взгляде, устремлённом на И Цяня, читалась жгучая мольба, в то время как лицо Гу Шуцзы исказилось от злости.

Мысленно И Цянь тяжело вздохнул: он ведь знал, что отец так просто это дело не спустит — непременно устроит полноценное разбирательство.

И Цянь бросил короткое: Пап, — обращаясь к старейшине.

Игнорируя Фу Фэя и Гу Шуцзы.

Старейшина со зловещим выражением лица бросил на него взгляд, приказывая немедленно сесть. И Цянь послушно подошёл и устроился на диване, а его старший брат тем временем вошёл в комнату, запер дверь и сел по другую сторону от младшего.

Старейшина указал на видеокамеру, стоявшую на чайном столике рядом с ними, и произвел: Разумеется, сегодня канун Нового года, и беспокоить вас обоих не стоило бы, но речь идёт о честном имени И Цяня и репутации всей семьи И. Ничего не попишешь, пришлось вас побеспокоить. Здесь стоит камера, всё происходящее сегодня будет записано. Я предупреждаю вас об этом заранее.

И Цянь: ...

Фу Фэй: ...

Гу Шуцзы: ...

Все трое на мгновение замолчали, явно не зная, что и сказать.

И Цянь продолжал хранить молчание. Гу Шуцзы скривила губы в издевательской ухмылке, хотя на её лице толстым слоем лежал макияж. Впрочем, старейшина И подготовился к встрече основательно и не позволил бы ей распускать руки, а присутствие камеры заставило её сдержаться, так что она промолчала. Лишь Фу Фэй заговорил: Дядя, прошу вас понять меня и И Цяня правильно. Между нами действительно были глубокие чувства, но всё это шло от чистого сердца. В наших отношениях с И Цянем нет ничего, за что мне было бы стыдно перед совестью.

Гу Шуцзы холодно рассмеялась: Какой же ты лицемер. Тогда зачем ты женился на мне?

Фу Фэй бросил на неё взгляд, а затем перевёл глаза на И Цяня. Тот с бесстрастным выражением лица отвернулся, наотрез отказываясь смотреть на него.

Я женился на тебе уже после этого, — произнес Фу Фэй.

Ты самый настоящий гей! Ты обманом затащил меня в брак, мерзавец, — проскрежетала зубами Гу Шуцзы.

Мы были мужем и женой, и была ли я геем, тебе прекрасно известно. Когда мы поженились, это было обоюдным решением, и после свадьбы я исполнял все обязанности мужа...

Ты всё переворачиваешь с ног на голову и занимаешься демагогией! — взвизгнула Гу Шуцзы.

Льву ли рассуждать о том, где правда, а где ложь — для этого нужны доказательства. Твои пустые оскорбления ничего не изменят, — холодно ответил Фу Фэй.

Грудь Гу Шуцзы вздымалась от гнева. И Цянь по-прежнему сидел неподвижно, не проявляя никаких эмоций; его взгляд оставался мрачным и отстранённым, словно происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

Старейшина И не желал тратить время на перепалки этой разводящейся пары. Он произнёс: Я хочу задать несколько вопросов. Как только всё прояснится — разговор будет окончен. А со своими проблемами разбирайтесь у себя дома.

Оба перевели на него взгляды. Старейшина И продолжил: И Цянь утверждает, что расстался с вами, господин Фу, до вашей женитьбы на госпоже Гу. Это правда?

Фу Фэй снова посмотрел на И Цяня. Тот откинулся на спинку дивана, с каменным лицом игнорируя любые попытки привлечь его внимание. Делать было нечего, и Фу Фэй ответил: Да.

Громко запротестовала Гу Шуцзы: И ты ждешь, что мы поверим твоим словам?!

Старейшина И холодно заметил: Разумеется, мы не собираемся верить кому-то на слово. Господин Фу, вы можете найти свидетелей?

Под непрекращающимся натиском старейшины Фу Фэй чувствовал себя скверно, его лицо помрачнело, но ему приходилось сдерживать раздражение. Да, — выдавил он. — О нашем расставании знают несколько человек. Я могу попросить их подтвердить это.

Гу Шуцзы возразила: И какой толк от таких доказательств? Вы ведь и после этого продолжали регулярно видеться и спать друг с другом!

Когда старейшина И впервые услышал подобные обвинения от Гу Шуцзы, его едва не хватил удар. Однако за несколько дней раздумий он уже перегорел, и подобные заявления больше не вызывали у него бурных эмоций. Он произнёс: И Цянь говорит, что после расставания с вами, господин Фу, у них больше не было интимных отношений, они даже не созванивались и не виделись специально. Это правда?

Фу Фэй снова взглянул на И Цяня, но тот витал где-то далеко и даже не думал вмешиваться. Пришлось отвечать самому: Всё так. Долгое время он находился в Европе, в то время как я занимался проектами здесь, в стране, и никуда не выезжал. Таможенные записи легко докажут, что мы никак не могли встретиться, телефонных звонков тоже не было. Позже мы действительно виделись пару раз, но лишь потому, что у И Цяня остались мои вещи, и я заезжал их забрать. Каждый раз меня сопровождал телохранитель, к тому же сохранились записи с камер видеонаблюдения у дома И Цяня — я даже не заходил внутрь.

Ты лжешь! Вы все сговорились против меня! — завизжала от ярости Гу Шуцзы.

Ацзы, почему ты так упорно пытаешься доказать мою измену? — не выдержал Фу Фэй. — Я доказываю тебе обратное, а ты вместо радости только злишься.

Лицо Гу Шуцзы побагровело от злости. Она в упор смотрела на него, не зная, как ещё выразить своё бешенство, и лишь спустя долгое время выплюнула: Мерзавец!

Старейшина И не желал дольше слушать их ссору: Исходя из вышесказанного, обвинения в том, что И Цянь якобы причастен к обману с браком, абсолютно безосновательны. Кроме того, он не вступал в интимную связь с человеком, состоящим в браке. По этим двум пунктам мы можем подвести черту.

Фу Фэй хотел что-то добавить, но замолчал, а Гу Шуцзы лишь саркастически усмехнулась. Старейшина И подытожил: Раз факты установлены, ваши взаимоотношения больше не имеют к И Цяню никакого отношения. Разбирайтесь со своими проблемами самостоятельно и больше не смейте устраивать балаган в моём доме. Если это повторится и наш покой снова будет нарушен, принимать таких гостей мы больше не станем.

Фу Фэй был до предела раздражен и подавлен, а Гу Шуцзы чувствовала себя глубоко уязвленной — ей казалось, что эти мужчины объединились, чтобы затравить её, слабую женщину. С ненавистью глядя на И Цяня, она бросила: Ты же прекрасно знал, что Фу Фэй — гей! Ты хладнокровно смотрел, как я иду на плаху, а теперь сидишь здесь и строишь из себя невинную овечку? Тебе самому не противно?

И Цянь сжал губы, его пальцы по бокам сжались в кулаки. На душе у него было сквернее, чем у кого бы то ни было в этой комнате. Бросив на Гу Шуцзы тяжёлый взгляд, он перевёл глаза на Фу Фэя.

Из всех мужчин я был только с И Цянем, — произнес Фу Фэй. — Мы сошлись по любви, и многие могут подтвердить, что я не гей.

Мысленно усмехнувшись, И Цянь отвернулся и больше не удостоил их обоих взглядом.

И Чжоу поднялся с места, чтобы проводить гостей: Господин Фу, госпожа Гу, простите за потраченное время, мы выделили водителя, чтобы отвезти вас домой.

Гу Шуцзы поднялась первой, её глаза были налиты кровью, и решительно направилась к выходу. Фу Фэй напоследок посмотрел на И Цяня и позвал его: Ацян...

И Цянь бросил: До чего же жалко ты выглядишь.

<http://bllate.org/book/21447/2191823>